ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шедше научите всѧ языки, крстяще ихъ во имя Отца и Сна и Стаго Дха. Матѳ. XXVIII, 19.

ИЗДАНІЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССІОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ АВГУСТѢЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1902.

Годъ десятый.

ТОМЪ III.

№ 23.

ДЕКАБРЬ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1902

Киргизы и ихъ обращеніе въ магометанство [1]).

При завоеваніи нашихъ Средне-Азіятскихъ владѣній, въ числѣ народностей, нами покоренныхъ и вошедшихъ въ общій составъ населенія Имперіи, мы получили Сартовъ и Киргизъ, населявшихъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ мѣстности, входящія въ составъ Семирѣченской, Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей.

Хотя въ количественномъ отношеніи Киргизы и являлись племенемъ преобладающимъ, но такъ какъ они были полудикими кочевниками, жившими среди необъятныхъ пустынь и степей Средней Азіи, то съ самаго завоеванія края на нихъ не было обращено никакого вниманія. Всѣ наши стремленія, какъ въ это время, такъ и въ послѣдующее, были обращены на Сартовъ, которые хотя и являлись меньшинствомъ, сравнительно съ общею массой Киргизскаго племени, но, какъ жители осѣдлые, были несравненно болѣе культурнымъ и желательнымъ элементомъ въ дѣлѣ развитія торговли и промышленности всего края. Живя въ городахъ и кишлакахъ Туркестанскаго края, Сарты занимались торговлей и многими ремеслами, попутно съ этимъ обрабатывая землю. Какъ племя имѣющее особенную наклонность ко всевозможнымъ торговымъ предпріятіямъ, оно стало къ намъ, Русскимъ, въ такое положеніе, что сразу сдѣлалась ясною полная невозможность горсти русскихъ войскъ и небольшому числу административныхъ лицъ вести жизнь въ Средней Азіи безъ ихъ помощи. Сартъ въ короткое время приспособился къ требованіямъ Русскихъ и, благодаря этому, занялъ особое, исклю-

---

[1]) Изъ „Моск. Вѣдом.“

чительно-привилегированное, положеніе, которымъ не пользовалась ни одна изъ покоренныхъ нами народностей. Въ началѣ мелкій торговецъ, а затѣмъ крупный подрядчикъ, ремесленникъ, чернорабочій, Сартъ сдѣлался намъ положительно необходимымъ при жизни на здѣшнихъ окраинахъ.

Русскія войска, явясь въ Среднюю Азію, въ виду незначительнаго числа людей знавшихъ восточные языки и нарѣчія, и полной невозможности даже вести военныя дѣйствія, не зная мѣстныхъ языковъ,—вынуждены были имѣть значительное число переводчиковъ, которыми являлись вначалѣ Уральскіе и Оренбургскіе казаки, усвоившіе знаніе киргизскаго языка, а затѣмъ Крымскіе, Кавказскіе и Казанскіе Татары, слѣдовавшіе за войсками какъ торговцы, но превратившіеся очень скоро въ переводчиковъ. Вслѣдствіе постояннаго соприкосновенія съ Татарами, а также и съ Русскими, многіе Сарты быстро усвоили нашу разговорную рѣчь и, вслѣдствіе знакомства съ условіями жизни края, также являлись въ роли переводчиковъ и посредниковъ между русскими административными властями и туземнымъ населеніемъ.

Это выгодное положеніе, умѣло ими поддерживаемое, служило причиной, что на Сартскую народность было обращено особенное вниманіе, причемъ мы, Русскіе, питали надежду, что съ ихъ помощью будетъ несравненно легче вліять на кочевое населеніе.

Такимъ образомъ, многочисленная Киргизская народность, съ которою мы, по совершенно случайнымъ причинамъ, не вошли въ близкое соприкосновеніе, оказалась въ положеніи пасынка, на жизнь котораго временно закрыли глаза, предоставляя ему существовать, какъ заблагоразсудится.

Благодаря захвату въ свои руки торговли во всемъ краѣ, Сарты въ сущности сдѣлались народностью господствующею въ немъ экономически, причемъ не будетъ большимъ преувеличеніемъ, если мы, суммируя ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи, придемъ къ заключенію, что большая часть русскихъ денегъ ушла въ ихъ руки, давъ имъ возможность создать свое экономическое благосостояніе.

Одновременно съ развитіемъ торговли (многіе продукты пріобрѣтались Сартами у своихъ сосѣдей кочевниковъ-Киргизъ) началась вначалѣ экономическая эксплуатація Киргизской народности, а затѣмъ и просвѣтительная дѣятельность въ духѣ магометанства, причемъ результаты этой дѣятельности невольно заставляютъ призадуматься каждаго, кто ближе познакомится съ общимъ направленіемъ Киргизъ въ настоящее время. Ассимиляція Киргизской народности съ Сартской идетъ быстрыми шагами при помощи муллъ и ишановъ, распространившихъ свою дѣятельность по всѣмъ глухимъ уголочкамъ киргизскихъ кочевьевъ.

Знавшіе киргизскія кочевья 10—15 лѣтъ тому назадъ и познакомившіеся съ ними въ данное время должны признать, что Киргизская народность постепенно омусульманивается.

Магометанское духовенство все болѣе распространяетъ свое вліяніе, являясь при этомъ единственною у Киргизъ умственною аристократіей. Киргизы, перешедшіе въ мусульманство, въ точности исполняютъ магометанскіе религіозные обряды, и среди паломниковъ, ѣдущихъ въ Мекку, уже часто можно встрѣтить Киргиза.

Магометанскія сказки, молитвы и Коранъ на татарскомъ языкѣ съ удовольствіемъ слушаются Киргизами при каждомъ удобномъ случаѣ.

Несомнѣнно, что развитіе среди Киргизъ магометанской грамоты и культуры вредно для русскаго дѣла и, кромѣ того, является средствомъ для проведенія среди Киргизъ идей мусульманскаго сепаратизма.

Благодаря исключительности положенія, въ которое попали Киргизы, они живутъ совершенно обособленною жизнью, связанные съ Русскою народностью лишь немногими представителями административной власти, соприкасающимися съ ними въ рѣдкихъ случаяхъ, по обязанностямъ службы. Вслѣдствіе этого, тѣ немногочисленныя мѣры, которыя принимались нами для ассимиляціи Киргизъ, не имѣли никакого успѣха. Симптомы магометанскаго вліянія на Киргизъ могутъ быть усматриваемы даже въ пѣсняхъ, которыя поются Киргизами. Пѣсни эти не въ пользу Русскихъ: поютъ, напримѣръ, даже, „что пропесутся черныя

грозныя тучи, которыя висятъ надъ Киргизами, которые стряхнутъ свое горе, заживутъ новою жизнью и вздохнутъ, наконецъ, полною грудью; тогда уже запоются другія пѣсни" (*Этнографическое Обозрѣніе* 1899 г., № 3).

Еще недавно бывшіе шаманистами, Киргизы становятся постепенно мусульманами, чему въ особенности способствуетъ распространеніе среди нихъ въ большомъ количествѣ казанско-татарскихъ изданій, благодаря которымъ даже въ языкѣ Киргизъ замѣчаются татарскія наслоенія.

На это въ высшей степени вредное явленіе до настоящаго времени обращено слишкомъ мало вниманія; между тѣмъ, наша обязанность возможно скорѣе озаботиться о полной изоляціи Киргизъ отъ сартско-татарскаго вліянія, нарушающаго наши государственно-національные интересы. Поэтому, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, пока не опущено время, слѣдуетъ обратить серіозное вниманіе на Киргизскую народность и на прочное присоединеніе ея къ русской государственной жизни и къ русской культурѣ.

Дѣло это должно быть начато съ уничтоженія политическаго и религіознаго значенія магометанскаго духовенства и съ усиленія возможнаго общенія Киргизъ съ Русскимъ населеніемъ. Всѣ мѣры, принятыя въ этомъ направленіи, тѣмъ легче осуществить, что народная масса Киргизъ относится еще довольно индифферентно къ магометанству, выполняя лишь внѣшнюю сторону ислама.

Принятое, какъ сказано выше, чисто-внѣшнимъ образомъ, магометанство не уничтожило даже вѣрованій Киргизскаго народа въ языческія божества, вслѣдствіе чего, какъ констатируетъ г. Миропіевъ (*Демонологическіе разсказы*), албасты, жезтырнокъ, жалмаузъ, кемпиръ и тому подобныя демоническія существа имѣютъ часто въ ихъ глазахъ гораздо большее значеніе, чѣмъ Магометъ со своимъ Кораномъ.

При этомъ нужно также имѣть въ виду, что въ отношеніи народнаго образованія мусульманство успѣло сдѣлать еще слишкомъ мало, создавъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одни лишь мектебэ, вліяніе которыхъ на народныя массы пока еще незначительно.

Въ дѣлѣ ассимиляціи Киргизъ съ Русскими, залогъ успѣха въ большой степени зависитъ отъ многихъ, въ высшей степени симпатичныхъ, національныхъ чертъ этого народа и отъ той воспріимчивости и уваженія къ Русскому, которое замѣчается вообще у Киргизъ.

Особенность положенія, которое занимаетъ киргизская женщина въ своей повседневной жизни, также поможетъ русскому дѣлу, такъ какъ Киргизка, въ отличіе отъ всѣхъ мусульманскихъ народностей, пользуется полною свободой, не носитъ на лицѣ покрывала, допускается въ общество мущинъ и пользуется большимъ значеніемъ въ жизни не только отдѣльныхъ семей, но и цѣлыхъ родовъ.

Вдобавокъ ко всему, нашимъ союзникомъ въ этомъ дѣлѣ будетъ та страшная ненависть, которая существуетъ у Киргизъ къ своимъ экономическимъ поработителямъ—Сартамъ и Татарамъ.

Въ виду всего этого, подчиненіе Киргизъ русскому вліянію и воздѣйствію въ сравнительно небольшое число лѣтъ можно считать легко выполнимымъ, согласно задачамъ русской государственной политики, которая стремится къ ассимиляціи инородческихъ племенъ съ Русскимъ населеніемъ и къ распространенію среди нихъ Православія...

Программа по отношенію нашего Киргизскаго населенія должна быть строго обдумана, причемъ необходимо намѣтить рядъ мѣръ въ желательномъ для русскихъ интересовъ направленіи.

Во главѣ всѣхъ этихъ мѣръ, которыя слѣдовало бы установить, является раньше всего необходимость создать въ центрѣ Киргизской степи особую духовную миссію, по образцу Алтайской, которая даже за сравнительно небольшой періодъ своей дѣятельности дастъ блестящіе результаты, подобно нами названной [1]).

Д. Н. Логофетъ.

---

[1]) Въ Омской епархіи существуетъ православная миссія, распространяющая свою дѣятельность на Киргизовъ Семипалатинской и Акмолинской областей. *Ред.*

СОЛНЦЕ
РОССІИ

№ 9—108.
Цѣна **10** коп.

Февраль 1912 г.

Степная драма.

Разсказъ.

Въ темную, бурную лѣтнюю ночь въ станицѣ Красногорской случился переполохъ: гдѣ-то въ концѣ станичной улицы, у рѣки, раздались ружейные выстрѣлы, послышался крикъ и конскій топотъ. Станичный атаманъ, собиравшійся уже ложиться спать, какъ былъ, въ валенкахъ и распояской, на ходу надѣвая мундиръ, бросился къ лошади, спѣшно взнуздалъ ее и, вскочивъ безъ сѣдла, помчалъ по улицѣ. И въ ту-же сторону въ темнотѣ бѣжали и на коняхъ скакали казаки.

— Что случилось?—крикнулъ атаманъ.

— Не знай... не киргизцы-ли?

На бѣгу люди кричали.

— Киргизцы!

— Обязательно это киргизцы...

— Третій разъ за одно лѣто!

Ближе къ мѣсту происшествія, тамъ, гдѣ уже засвѣтлѣла рѣка сквозь темныя купы деревъ, у послѣдней хаты станицы слышался возбужденный говоръ грубыхъ голосовъ и въ него вплетался женскій плачъ и причитанья. Атаманъ на всемъ скаку скользнулъ съ коня и, сдержавъ его за узду, оказался у самой группы людей. Его тотчасъ узнали по манерѣ соскакивать съ лошади и спѣшно окружили.

— Опять зорятъ... Бешметова разорили, ваше благородіе, Александръ Петровичъ.

— Спедицію снаряжать надо!

— Съ самаго двора свели...

А женщина, невидная въ темнотѣ, гдѣ-то у избы причитала:

— Послѣднюю справу... голо-овушки бѣ-дныя!

Атаманъ кратко спрашивалъ.

— Коней?

— Коней, Александръ Петровичъ.

— У тебя, Бешметовъ?

— Такъ точно, Александръ Петровичъ, у меня, анафемы гололобые! — прозвучалъ вблизи жидкій голосъ изъ темноты.

— Сколько?

— Всѣхъ трехъ, Александръ Петровичъ. А главная-то статья: новокупку строевую для сына свели!

— Какъ было, разсказывай.

— Разсказывать-то что... лаетъ собака во злу голову, чую недоброе, взялъ берданку, вышелъ на крыльцо... да сразу-то и не разобрать ничего,—тьма. Да присмотрѣлся, а плетень повваленъ... я въ клѣть,—коней нѣтъ! Я крикъ поднялъ, да за плетень, слышу плескъ по рѣкѣ... не то тѣни вижу, не то што... невѣдомо што. Бацъ, бацъ я въ рѣку-то... Спедицію надо, Александръ Петровичъ, раззоръ! Нагишомъ останусь, головушки бѣдныя...

— Сколько было киргизъ-то?

— Не разобрать! Кубыть, трое... а, можетъ, и несусвѣтно количество!

Толпа все прибывала, все росла, точно тьма ночная силилась принять какія-то смутныя формы. Возбужденіе росло и выливалось въ яростныхъ угрозахъ. Атаманъ повернулся къ этой смутной массѣ людей.

— Не тутъ-ли Голованов?

Изъ толпы выступила тѣнь высокаго человѣка и встала по военному на вытяжку.

— Что прикажете?

— Бей тревогу! Кликни Сычова съ Жолудемъ, да Митрофашку Лукина. Кого-бы еще? Да... эсаула Скорнякова!

— Не любитъ онъ энтаго, Александръ Петровичъ.

Атаманъ на минуту задумался, какъ-будто темное предчувствіе предостерегло его, но сейчасъ-же рѣзко крикнулъ.

— Я не начальникъ?!.. Назначаю Скорнякова! Пусть народъ соберутъ, верхами, у кого лучшія лошади, къ правленью. Я сейчасъ тамъ буду.

Онъ повернулся въ сторону хаты.

— Бешметовъ, и ты!

— Какъ-же я безъ коня-то, Александръ Петровичъ?

— У меня возьмешь.

И атаманъ пустилъ лошадь, на ходу вскочилъ ей на спину, какъ пантера, и скрылся въ темнотѣ, только слышенъ былъ скокъ его.

Черезъ часъ, въ полночной тьмѣ, изъ станицы выѣхало человѣкъ сорокъ верховыхъ, подъ предводительствомъ атамана. И лошади и люди казались черными тѣнями, лишь иногда во тьмѣ выдѣлялось красноватымъ пятномъ бородатое лицо отъ вспыхнувшей «цыгарки». Вѣтеръ выл и свистѣлъ, пригибалъ съ шумомъ кусты на рѣчномъ берегу, рѣка бурлила и плескалась. И съ бурлящимъ плескомъ въ нее въѣхали казаки... медленно вытягивались въ линію и по мѣсту брода точно перегородили рѣку черною, смутно-движущеюся запрудой. Подобно сонному видѣнію, въ молчаніи двигались они, пока быстрымъ, спѣшнымъ скокомъ одинъ за другимъ не выбрались по крутому глинистому берегу на лѣсную поляну и здѣсь остановились, сгрудились въ кругъ, ожидая приказаній атамана.

Онъ спросилъ.

— Куда ѣхать?

Казаки совѣтовали то и другое, и все разное. Онъ слушалъ, обдумывалъ и потомъ спросилъ:

— Кто степь знаетъ?

— Я, Александръ Петровичъ.

— Ты, Бешметовъ?

— Такъ точно, знаю вдоль и поперекъ.

— Такъ отвѣчай мнѣ: влѣво Мертвецовскій поселокъ?

— Такъ точно, и туда гололобымъ нельзя податься: народъ на пашняхъ и вездѣ жительство.

— А вправо... Могуджары?

— Да, туда имъ тоже нельзя: вдоль горъ мужичьи поселки идутъ, и тоже люди на поляхъ, сразу запримѣтятъ и догадаются.

— А прямо?

— Войсковая земля... выгонъ. А за ней Красная рѣчка, гдѣ на учебный сборъ собираются. А за рѣчкой киргизца степь.

И Бешметовъ сказалъ съ злобной горечью:

«Нана». **Э. Манэ.**

(Выставка «Сто лѣтъ французской живописи»).

«Обнаженная». **П. Ренуаръ.**
(Выставка «Сто лѣтъ французской живописи»).

— А ужъ въ степь выѣдутъ, пропали мои кони: во всѣ стороны дорога, и своя имъ сторона.

Атаманъ опять принялся разспрашивать, чтобы яснѣе нарисовать себѣ картину мѣстности, потому что онъ былъ нездѣшній и служилъ недавно. И онъ услышалъ то, что уже зналъ, что за лѣсомъ степь пойдетъ, какъ ладонь, ровная, и еще узналъ, что съ полпути къ рѣчкѣ она станетъ холмистой, начнутся увалы, взлобки и курганы. И протяжимость тамъ большая: если считать отъ земли мертвецовской до мужичьихъ пашенъ, то Красная рѣчка верстъ на тридцать тянется. А отсюда до Красной рѣчки семьдесятъ верстъ. Получался какъ-бы громадный раструбъ.

— А ручьи или водопои есть до Красной рѣчки?

— Такъ точно: у Соломенной балки, на полпути.

Атаманъ задумался, думалъ долго и сказалъ:

— Такъ вотъ что, ребята. Сразу имъ не проскакать. Да понадѣются на тьму и на то, что не поймемъ мы ихъ дороги: заѣдутъ они лошадей напоить, да и покормятъ. А мы у водопоя будемъ на свѣту, и слѣды найдемъ. Только лошадей не жалѣть, у кого плохая,—отставай!

Онъ рѣзко повернулъ лошадь.

— За мной! Бешметовъ, держись рядомъ.

Пригнувшись къ лукамъ сѣделъ, какъ въ аттаку, пустились казаки вихревымъ скокомъ, врѣзались въ бурную лѣсную чащу и вскорѣ были на степномъ просторѣ. Они невольно построились рядами, по десяти въ каждомъ. Впереди скакалъ атаманъ съ Бешметовымъ.

Степную тишь нарушалъ дробный гулкій топотъ и звяканье стремянъ и берданокъ. Подобно степному бредовому сну, неслись они во тьмѣ черными, странными тѣнями, въ молчаніи, только лошади фыркали и всхрапывали. Лишь проскакавъ добрый десятокъ верстъ, атаманъ скомандовалъ:

— Стой!

Самъ вынулъ трубку и сказалъ:

— Закуривай, кто хочетъ.

И ѣхали шагомъ, чтобы отдохнули кони. Вспыхивали огоньки «цыгарокъ». Потомъ опять понеслись, но уже болѣе легкой рысью, и теперь сдержанно говорили. Говорили о томъ, что у киргизъ голодъ и что они озлоблены тѣмъ, что у нихъ отмежевываютъ земли для мужиковъ-новоселовъ. Говорили еще о томъ, что совсѣмъ замучили киргизы, за одно лѣто очень много народа поразорили. И чѣмъ больше говорили на эту тему, тѣмъ возбужденнѣе становилась ихъ рѣчь, и все росло озлобленіе на киргизъ.

— Разстрѣливать бы ихъ, такихъ-то, въ примѣръ остальнымъ,—выкрикивалъ кто-то.

Бешметовъ на это зло отозвался.

— Найти бы только...

Молчалъ лишь атаманъ и попыхивалъ трубкою, потомъ рѣзко скомандовалъ:

— Впередъ!

Опять понеслись бѣшенымъ скокомъ.

Буря усиливалась.

Какъ кто-то темный и злой, неслась она по степи вмѣстѣ съ казаками, яростно шумѣла въ ковыляхъ и, временами, казалось, выла гдѣ-то въ отдаленіи, какъ-бы помогая поискамъ. Еле замѣтный сѣроватый тонъ разлился въ воздухѣ, и свѣтлѣть сталъ востокъ. Вотъ уже видно стало казаковъ. Выдѣлилась молодцоватая фигура атамана, прямо державшагося въ сѣдлѣ, и видно стало его лицо,—холодное, смѣлое и жесткое. И видно стало, что Бешметовъ высокъ ростомъ и тощъ, и лицо у него желтое и худое, съ слабой белесоватой растительностью и безцвѣтными глазами. А остальные казаки—больше бородатые, частью, уже пожилые, сосредоточенно-серьезные. Но изъ всѣхъ нихъ выдѣлялся своей большой, широкой, совершенно бѣлой бородой и гордымъ взглядомъ черныхъ выпуклыхъ глазъ, плотный, широкогрудый эсаулъ Скорняковъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ и всѣ казаки, по домашнему, но въ форменной фуражкѣ, порыжѣлой и потрепанной. Какъ и у нихъ, за плечами у него болталась берданка. Онъ озабоченнымъ и недовольнымъ взглядомъ озиралъ уже выступившую изъ ночной мглы степь, еще ровную, но уже вдали холмистую. И вотъ востокъ сталъ желтѣть, а потомъ какъ бы напитался кровью, и кровь эта заискрилась на берданкахъ, стременахъ и на козырькахъ казачьихъ фуражекъ.

И вотъ взошло большое багровое солнце.

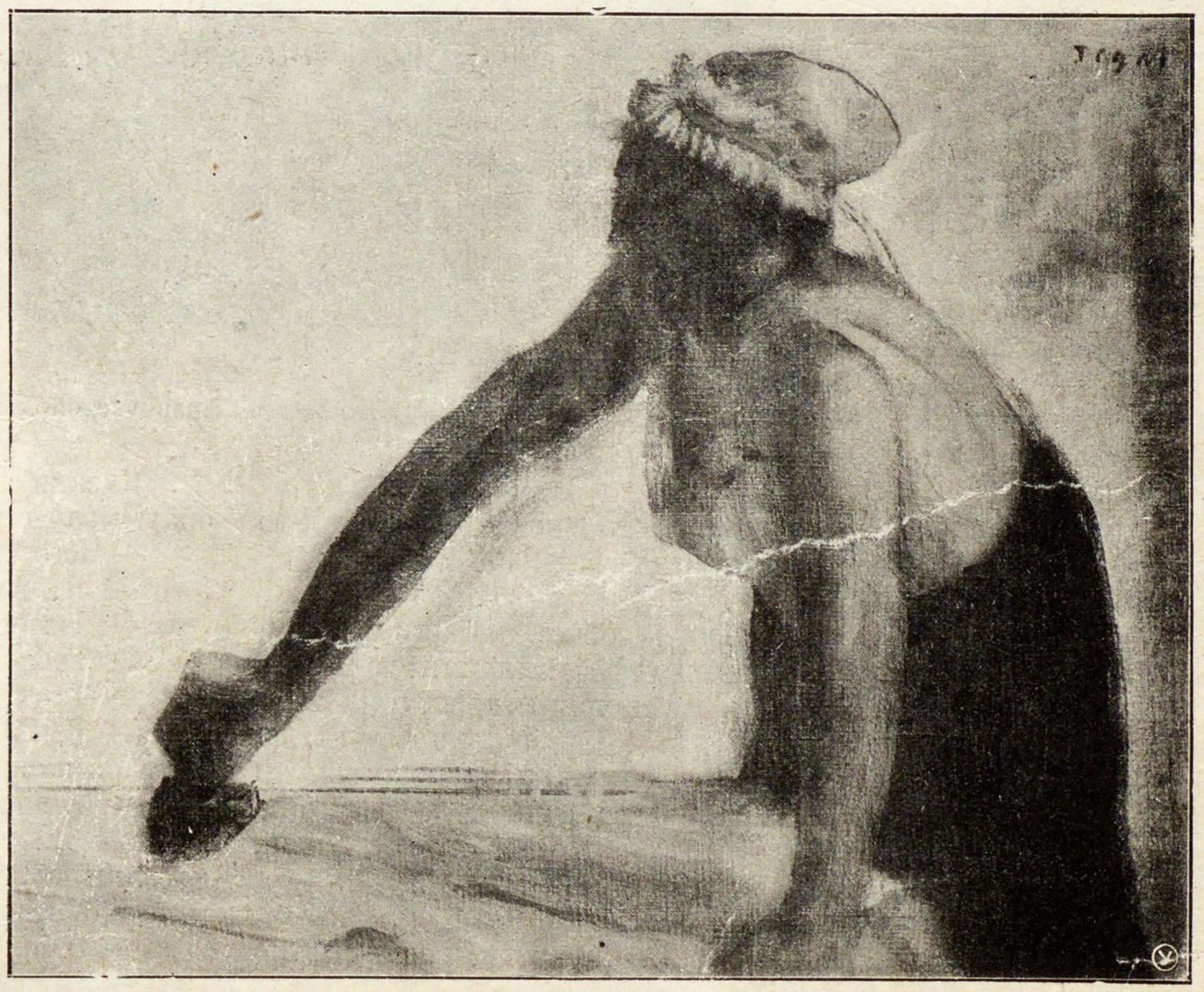
Бешметовъ молча указалъ впередъ рукою.

Въ пропитанной багровою мглою степи, въ неглубокой балкѣ издали что-то мутнѣло, какъ кровь. Вихремъ спустились туда казаки и очутились у родника. И снова на полномъ скаку коня атаманъ соскочилъ съ сѣдла и осадилъ лошадь такъ, что она вздыбилась. Онъ бросилъ поводья Бешметову, самъ пошелъ по берегу родника, внимательно смотря подъ ноги, прошелъ впередъ и назадъ по одному берегу, и другому, постоялъ, подумалъ, вернулся и сказалъ.

— Ихъ не было.

— Здѣсь слѣды!—нагнулся съ лошади Бешметовъ.

И другіе нагибались и говорили:

«Гладильщица». **Э. Дега.**
(Выставка «Сто лѣтъ французской живописи»).

«Слушаютъ урокъ». **В. Е. Маковскій.**

(XL выставка т-ва передвижниковъ).

— Много слѣдовъ.

— Это старые,—сказалъ атаманъ,—имъ два дня, а новыхъ нѣтъ.

И онъ смо рѣлъ на казаковъ, обдумывая что-то, а они смотрѣли на него и ждали, зная, какой онъ опытный. Онъ медленно поднялся въ сѣдло, набилъ и неторопливо выкурилъ трубку, потомъ выбилъ ее о сѣдло, спряталъ въ карманъ и выпрямился.

— Сейчасъ поить лошадей! Отдыхать не будемъ. Потомъ раздѣлиться поровну. Живо!

Казаки спѣшились, быстро напоили лошадей, быстро сѣли въ сѣдла и раздѣлились на двѣ равныхъ группы.

— Стройся въ линію,—скомандовалъ атаманъ,—хорошія лошади къ степнымъ краямъ, къ серединѣ—слабѣе. Теперь только одна надежда у насъ: окружить ихъ. Скачи вразсыпную, дистанція на полверсты отъ человѣка. Не упускать другъ друга изъ виду, если одинъ въ низинѣ,—другой по холму держись. Растянемъ цѣпь, какъ можно шире. Кто первый увидитъ воровъ, стрѣляй изъ винтовки вверхъ. Въ отвѣтъ другой стрѣляй и скачи туда. И третій... всѣ такъ! Я съ Бешметовымъ прямо.

И атаманъ рѣзко крикнулъ.

— Впередъ... съ Богомъ!

Цѣпь начала растягиваться сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе. Отдѣльными скачущими точками сдѣлались казаки, и ужъ иные скрылись за холмами, въ лощинахъ за увалами, а другіе скакали по взлобкамъ, то приближаясь другъ къ другу, то отдаляясь, но не теряя одинъ другого изъ вида. Всего труднѣе было крайнимъ: имъ приходилось скакать въ бокъ и въ то же время держать линію, зато средніе могли ѣхать рысцой. Верстъ на десять и больше растянулась линія.

А лошади ужъ устали.

Онѣ дышали хрипло и съ недоумѣніемъ поводили налитыми кровью глазами. Солнце уже взбѣжало высоко, озолотило степь и какъ-бы зажгло свѣтлымъ зноемъ вершины уваловъ.

Становилось жарко.

Внезапно атаманъ остановилъ лошадь.

Влѣво вдали чуть слышно прозвучалъ выстрѣлъ, точно откупорили бутылку. Но вотъ ближе, еще ближе... и ужъ совсѣмъ близко бахнула берданка. По знаку атамана выпалилъ и Бешметовъ. И побѣжали выстрѣлы вправо, все удаляясь и становясь какъ-бы шопотомъ степи. Какъ изъ лука пущенныя стрѣлы, понеслись казаки теперь уже по линіи цѣпи, какъ-бы сжимая ее, къ мѣсту перваго выстрѣла. Версты три проскакалъ атаманъ, ныряя въ балки и высовываясь на откосы и взлобки. И вотъ съ вершины холма онъ увидѣлъ неглубокую, но обширную лощину. Въ центрѣ ея стояли, сгрудившись, шесть лошадей, а возлѣ нихъ, спѣшившись и держа ихъ за поводья, три киргиза. И видно было, что они только-что спѣшились, и спѣшились не по своей волѣ. Саженяхъ въ тридцати отъ нихъ, у подошвы скалистаго откоса, человѣкъ десять казаковъ стояли линіей на взмыленныхъ коняхъ и, держа на-готовѣ винтовки, угрозою ихъ удерживали на мѣстѣ киргизовъ.

Атаманъ на минуту пріостановился; полюбовался на эту картину, съ хмурой, но довольной усмѣшкой на лицѣ, потомъ медленно съѣхалъ въ лощину, къ своимъ, и сталъ впереди, тоже не слѣзая съ коня. Что-то ему говорили казаки, кричалъ Бешметовъ, но атаманъ молчалъ, съ чуть замѣтной загадочной усмѣшкой, и только кратко бросилъ:

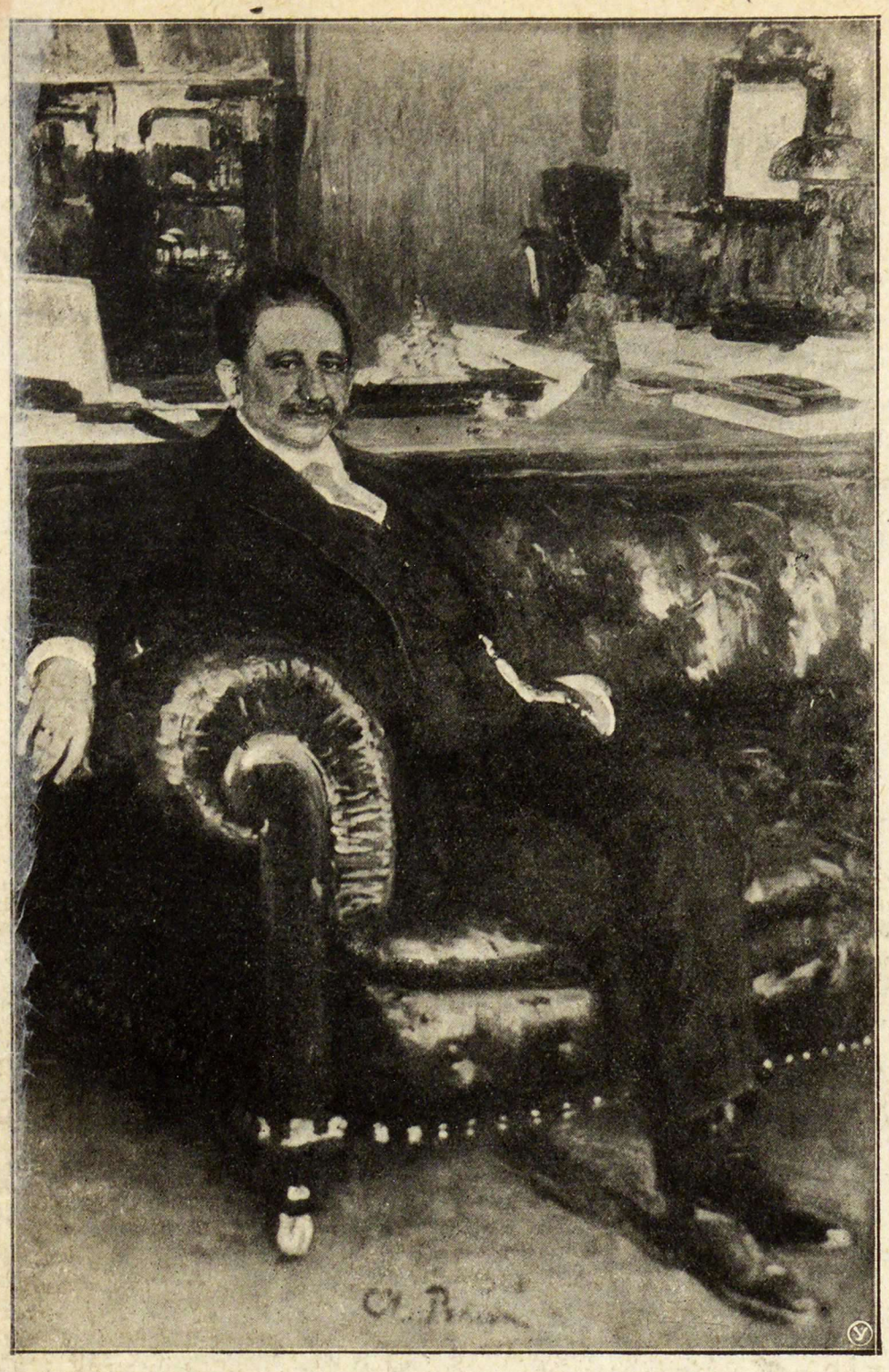
— Подождемъ своихъ.

И, не спуская глазъ съ киргизъ, досталъ трубку, не спѣша набилъ ее, раскурилъ и, пуская синеватый дымокъ, звучно крикнулъ:

— Отпусти лошадей!

И крикъ этотъ повторилъ по-киргизски Бешметовъ.

Киргизы заметались, но атаманъ приказалъ взять винтовки къ плечу. И подъ угрозою винтовокъ киргизы что-то кричали, просительно и слезно, но, когда приказанье повторилось, они отпустили лошадей и хлестнули ихъ, и тѣ разбѣжались по лощинѣ, стали пастись; казачьи же лошади съ весе-

«Портретъ **Б. А. Каминки».** **И. Е. Рѣпинъ.**
(XL выставка т-ва передвижниковъ).

лымъ ржаньемъ подбѣжали къ своимъ. Бешметовъ тотчасъ заарканилъ ихъ. Но винтовки не опускались, и киргизы съ просящимъ воплемъ метнулись было къ казакамъ. Атаманъ крикнулъ, а Бешметовъ перевелъ по-киргизски.

— Ни съ мѣста!

Киргизы упали на колѣни, протягивали руки.

И такъ остались, когда опустились и винтовки, не смѣя двинуться. Одинъ изъ нихъ былъ сѣдой старикъ съ беззубымъ ртомъ, въ рваномъ бешметѣ и огромномъ лисьемъ малахаѣ, несмотря на жаръ, другой, рыжій, здоровый, но очень тощій, третій совсѣмъ мальчикъ. Справа и слѣва, одинъ за другимъ, выныривали на взлобки казаки, спускались въ лощину. Прошелъ медлительный часъ, пока они всѣ собрались и цѣпь сжалась въ свои плотныя звенья вокругъ атамана. Всѣ смотрѣли на киргизъ, злобно ругали ихъ и шептались, почему атаманъ не велитъ ихъ взять и чего онъ ждетъ?

— Прикажите, Александръ Петровичъ... скрутить анафемъ! Мы ихъ къ ихъ-же лошадямъ прикрутимъ!

Но атаманъ курилъ и о чемъ-то думалъ.

Вдругъ онъ рѣзко повернулся и приказалъ казакамъ растянуться въ линію. И когда стала растягиваться зловѣщая линія, киргизы, чуя смертный ужасъ, поползли на колѣняхъ, и кричали что-то, и можно было только разобрать одно слово, чаще другихъ повторяемое.

— Алла! Алла!

Внезапно раздалась отчетливая команда.

— На прицѣлъ!

Казаки взглянули смущенно въ сторону атамана, но это былъ только мигъ. Человѣкъ десять немедленно вскинули берданки, за ними, какъ бы въ раздумьи, и остальные.

Атаманъ, не торопясь, раскуривалъ трубку.

Киргизы все кричали.

— Алла! Алла!

И все ползли, и припадали къ травѣ.

Раскуривши трубку, атаманъ поднялъ ее, чтобы подать знакъ. Но тутъ вырвался изъ линіи на своемъ ворономъ, взмыленномъ скакунѣ эсаулъ Скорняковъ. Онъ мигомъ заслонилъ киргизъ своей плотной фигурой и, вскинувъ голову, гнѣвно смотрѣлъ на атамана, крикнулъ:

— Беззаконно! Я не допущу!

Сѣдая борода его взлохматилась.

Атаманъ внезапно вышелъ изъ себя отъ неожиданнаго сопротивленія и крикнулъ рѣзко и гнѣвно:

— Я здѣсь начальникъ!!

Скорняковъ усмѣхнулся.

— А надъ тобой Богъ! — указалъ онъ вверхъ.

— Маршъ въ линію!

— Беззаконныхъ распоряженій не исполняю! Эй, братцы станичники! — обернулся онъ къ казакамъ, — или кресты дома позабыли?

Казаки смущенно отозвались.

— Они лиходѣи...

— Извѣстно, народъ зорятъ!

— Александръ Петровичъ...

Атаманъ кричалъ:

— Я ихъ полевымъ судомъ сужу!

— Не втирай очки-то станичникамъ! Еще и суда не было, да теперь и не военное время.

— Прочь съ дороги, черезъ тебя прикажу стрѣлять!

— Стрѣляй!

И Скорняковъ съ гордой усмѣшкой смотрѣлъ прямо въ глаза ему своими выпуклыми глазами.

Атаманъ впалъ въ ярость, но не зналъ, что дѣлать, и машинально осмотрѣлъ линію казаковъ. Но тутъ онъ замѣтилъ, что Бешметовъ отъѣхалъ къ краю и дѣлаетъ ему какіе-то таинственные знаки. Онъ мгновенно сообразилъ и крикнулъ:

— Крайніе... пли!

Но не успѣли тѣ поднять винтовокъ, какъ Скорняковъ сильнымъ молодымъ движеньемъ взметнулъ берданку къ плечу и прицѣлился въ атамана.

— Какъ тѣ выстрѣлятъ, такъ и тебѣ конецъ!

Казаки замерли, не рѣшаясь стрѣлять.

Бешметовъ безнадежно опустилъ винтовку и перекинулъ ее за спину.

Киргизы тѣмъ временемъ, понявши сцену, уже подползли къ лошади Скорнякова, ухватились за стремена и цѣплялись за ноги эсаула съ молящими словами. Съ минуту продолжалось молчанье. Атаманъ понялъ свое безсилье.

— Спѣшиться, связать ихъ — мрачно сказалъ онъ.

Казаки бросились къ киргизамъ.

Атаманъ въ мутномъ бѣшенствѣ погрозилъ эсаулу.

— Н-ну... спр-рав-люсь я съ тобой!

Тотъ, опуская берданку, взглянулъ на него гордо.

— Какъ Богъ укажетъ!

И казаки съ плѣнниками медленно, въ молчаніи, направились по степи въ обратный путь.

С. Гусевъ-Оренбургскій.

«Портретъ **г-жи Селіа»** (этюдъ). **Н. К. Бодаревскій.**
(XL выставка т-ва передвижниковъ).